

Вопросы философии и психологии

Книга 27

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В74

В74 Вопросы философии и психологии: Книга 27 / – М.: Книга по Требованию,
2021. – 284 с.

ISBN 978-5-458-04677-0

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04677-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Устои нравственной жизни и дѣятельности *).

Та истина, что устои нравственности находятся *внутри* человѣка, въ его *собственной психической природѣ*, а не гдѣ-либо внѣ его, составляет одно изъ самыхъ прочныхъ приобращеній философіи двухъ послѣднихъ вѣковъ.

Будемъ ли мы искать устоевъ нравственнаго поведенія съ помощью религіи, науки или философіи,—самыя основанія религіи, философіи и науки необходимо будетъ рано или поздно признать заложенными въ самой природѣ человѣка. Вѣра, надежда, любовь,—стремленія къ истинѣ, благу и совершенству,—неотъемлемыя свойства человѣческой природы; внѣшнія условія и причины могутъ эти чувства и стремленія только пробуждать или заглушать, а не создавать изъ ничего.

Всѣ предполагаемые религіей, философіей и позитивной наукой устои нравственнаго поведенія: любовь къ Богу и къ ближнему, вѣра въ правду и совершенство, надежда на вѣчное блаженство и страхъ вѣчной кары—съ одной стороны; состраданіе и жалость, стремленіе къ счастію и идея нравственнаго долга; наконецъ, чувство самосохраненія и родовой инстинктъ, идеи пользы и общаго блага—все это факты душевной жизни субъекта, состоянія и свойства нашего внутренняго „я“.

*) Рѣчь, читанная 4 марта 1895 г. на публичномъ годовомъ засѣданіи Психологическаго Общества въ память десятилѣтія со времени его основанія.

Поэтому, для *автономной* морали нашего времени, ищущей основного закона нравственных поступков *внутри* человека, а не *вне* его,—вопросъ заключается только въ томъ, въ какихъ именно изъ перечисленныхъ природныхъ чувствъ, стремлений и идей слѣдуетъ искать самыхъ коренныхъ внутреннихъ устоевъ нравственной жизни и дѣятельности, чтобы путемъ такого исканія найти и поставить предъ сознаниемъ и волею человека вполне отчетливый идеалъ и ясный критерій *нравственнаго* поведенія, въ противоположность *безнравственному*.

Вопросъ—не шуточный, ибо если философская наука о нравственности—*этика*—въ концѣ концовъ признаетъ, что послѣднее основаніе и критерій нравственности заключается въ стремленіи человека къ личному счастью и пользѣ, а личное счастье и польза окажутся, въ чемъ нельзя сомнѣваться, понятіями относительными, то человекъ не будетъ предохраненъ отъ исключительнаго преслѣдованія своего личнаго счастья, какъ онъ его понимаетъ, всѣми способами, которые не ведутъ къ страданіямъ и карѣ. Если же этика докажетъ, наоборотъ, что основными устоями нравственности являются стремленія человека къ духовному совершенству, самообладанію и самоотверженной работѣ на пользу міра, то человеку придется отвергнуть идеалъ и критерій личнаго счастья, какъ *не* нравственный, и совершенно иначе устроить и направить свою нравственную жизнь и дѣятельность.

Дѣло идетъ, конечно, о вліяніи научной этики на тѣхъ людей, которые желаютъ жить разумно и сознательно, а не руководствоваться одними природными влеченіями. Человѣческая толпа живетъ и, вѣроятно, долго еще будетъ жить инстинктами и непосредственными чувствами, а такъ какъ къ числу таковыхъ, несомнѣнно, принадлежать и нравственные импульсы дѣятельности, наприм., симпатія, жалость, безкорыстное стремленіе къ правдѣ и совершенству, страхъ передъ вѣчною карой и надежда на послѣдующія награды, то нравственно здоровая, еще не развращенная и не тронутая скептицизмомъ толпа полусознательныхъ людей мо-

жетъ временно и не нуждаться въ *теоретическомъ* рѣшеніи вопроса о конечныхъ психическихъ устояхъ нравственности.

Тотъ фактъ, однако, несомнѣнъ, что цивилизація вноситъ и въ жизнь массы рядъ такихъ условий, которыя калѣчатъ природу людей, лишаютъ ее первобытной здоровой непосредственности, вносятъ въ умы сомнѣнія и, заглушая *нравственные* инстинкты, развиваютъ жажду къ наслажденіямъ и личной пользѣ. Какъ съ этимъ быть?

Можно ли остановить ходъ внѣшняго прогресса и предотвратить его вредныя вліянія на толпу? Можно ли искусственно остановить ростъ городовъ и средствъ сообщенія, уничтожить возможность праздности, лѣни и излишняго веселія, запретить производство наркотиковъ, ослабляющихъ силу мысли и воли и, въ замѣнъ, возбуждающихъ чувственность? Можно ли вообще уничтожить тотъ внѣшній ростъ жизни, который является естественнымъ послѣдствіемъ развитія науки и техники и выражаетъ собою быстро подвигающееся и въ общемъ благотворное завоеваніе человѣкомъ природы? А если нельзя заставить жизнь пойти назадъ, какъ бесплодно мечтали нѣкоторые утописты, то, очевидно, укрѣплять мораль массы человѣческой надо тоже изнутри, а не извнѣ, — развитіемъ въ ней сознанія, воли и критической мысли и распространеніемъ среди нея разумныхъ идеаловъ и критеріевъ нравственной жизни. А для того, чтобы дѣйствовать на нее въ этомъ смыслѣ, крайне важно, чтобы мы сами, люди развитые образованіемъ и считающіе себя разумными, руководящіе жизнью массы и подающіе ей примѣръ своимъ поведеніемъ, почаще сознательно и безпристрастно провѣряли устои своей нравственной дѣятельности и путемъ научнаго и философскаго изслѣдованія энергичнѣе шли къ уясненію истинной задачи нашей человѣческой нравственной жизни.

Предметомъ настоящей рѣчи и будетъ попытка вновь поближе разобратъ въ вопросѣ, *въ какихъ же* сторонахъ человѣческой природы надо искать истинныхъ устоевъ нравственной жизни и дѣятельности человѣка. Бесѣда наша бу-

детъ чисто теоретическая, а не нравоучительная, такъ какъ для философа поставленный вопросъ есть прежде всего вопросъ самопознанія и самоповѣрки. Задачею нашею будетъ—попытаться дать новое освѣщеніе *этической* проблемѣ „объ основаніяхъ нравственнаго поведенія“ на почвѣ *психологической*, а основнымъ мотивомъ для пересмотра вопроса является сомнѣніе въ удовлетворительности его рѣшенія учениями современной утилитарной и эвдемонистической морали,—морали *пользы и счастья*.

Основная точка зрѣнія этой морали состоитъ въ томъ, что въ концѣ концовъ источникомъ нравственной дѣятельности является стремленіе человѣка къ *счастью*, хотя бы самому высокому и благородному, вытекающему изъ поступковъ любви и состраданія, изъ усиленной работы умственной, духовной,—причемъ идея *пользы* есть только объективное выраженіе для субъективной идеи счастья.

Эта мораль *пользы и счастья* забываетъ однако, что человѣку, усвоившему ея основной принципъ, совершенно невозможно убѣдить себя въ томъ, что и онъ не имѣетъ права, за добродѣтель свою, брать свою долю награды отъ жизни, не имѣетъ права какъ можно полнѣе наслаждаться жизнью, отдавая дань своимъ страстямъ и страстишкамъ. А если онъ обладаетъ здоровьемъ и впечатлительностью, то какъ ему соразмѣрять высшіе и низшіе моменты своего счастья и не жертвовать стремленіями къ высшему духовному удовлетворенію все болѣе и болѣе неутолимой жаждѣ чувственныхъ наслажденій? И выходитъ такъ, что всѣ мы, какъ и толпа, живемъ компромиссами между нашими высшими и низшими природными влеченіями, пріобрѣтенными наслѣдственно, или чрезъ воспитаніе и образованіе, причемъ для многихъ изъ насъ природныя страсти и даже страстишки являются фатальною помѣхой для высокаго нравственнаго развитія.

Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что настоящаго нравственно-цѣльнаго и стойкаго человѣка теперь надо съ фонаремъ искать, что наиболѣе высокія нравственные лич-

ности нашего времени обладают часто поразительными слабостями и недостатками, что настоящихъ героевъ долга,—а они навѣрное есть,—слѣдуетъ искать не столько на открытой общественной аренѣ, сколько въ захолустной и темной толпѣ, руководимой вѣрою и здоровымъ инстинктомъ, и что при первомъ же спросѣ на дѣйствительное самоотреченіе и самопожертвованіе, ради ближняго или ради идеи, люди интеллигентные и сознательные, даже герои толпы и рыцари чести, за рѣдкими исключеніями, склонны прятаться въ свои норы и высчитывать возможные шансы личнаго благополучія.

Таковы послѣдствія нашей современной, такъ называемой, *научной*,—утилитарно-эвдемонистической морали. Нѣтъ ли, однако, въ построеніяхъ ея какого-либо *теоретическаго* недостатка, нѣтъ ли иной возможной, *вышей* морали?

Что такая мораль есть и всегда была, не подлежитъ сомнѣнію: объ этомъ свидѣлствуютъ громко стоическіе подвиги древнихъ, исторія крестныхъ распатій и мученичества на кострахъ, а также лѣтопись всѣхъ тѣхъ повседневныхъ, иногда незамѣтныхъ, домашнихъ и гражданскихъ подвиговъ самоотреченія, которые совершаются чаще всего людьми маленькими или никому неизвѣстными, но твердыми въ вѣрѣ, что жизнь есть тяжелый долгъ и подвигъ, а не наслажденіе и путь къ личному счастью. Полный кодексъ этой высшей морали, нынѣ вновь распятой западнымъ эвдемонизмомъ, далъ Христосъ. Лучшую попытку философскаго обоснованія христіанской морали сдѣлалъ Кантъ, но настоящей научной достовѣрности она еще не имѣетъ. Дать ей такую есть, повидимому, задача *будущей этики*.

Кантъ пробовалъ обосновать „абсолютную повелительность“ нравственнаго долга—независимо отъ идеи личнаго счастья—своимъ ученіемъ о природѣ человѣческаго разума. Но это сложное и отчасти запутанное ученіе о двухъ разумахъ, теоретическомъ и практическомъ, съ мостомъ посерединѣ, въ видѣ способности сужденія, научно не подтвердилось, и когда провѣрены были итоги, то выяснилось, что

Кантъ только *формально* констатировалъ фактъ *безусловности* идеи долга, но не оправдалъ и не обосновалъ его. „Ты долженъ поступать *такъ*, чтобы правило твоего поведенія могло стать основой всеобщаго законодательства“, или, проще, „правиломъ общаго нравственнаго поведенія“,— таково требованіе нравственнаго долга по мнѣнію Канта.— Но, во-первыхъ, *отчего* я долженъ поступать *такъ*, а не думать прежде всего о своемъ личномъ счастіи? *) Во-вторыхъ, *что* и *во имя чего* можетъ и должно стать правиломъ *общей нравственности*?

„Взаимное состраданіе“, говоритъ противникъ формальной морали Канта—Шопенгауэръ, ибо жизнь людей бѣдственна; а такъ какъ сущность ихъ одна и та же, то ты долженъ вѣчно жалѣть въ нихъ себя, думая о томъ, что и тебѣ и имъ слѣдуетъ стремиться избавиться отъ тяготы жизни. Но если жизнь бѣдственна и надо стремиться къ выходу изъ нея, то почему я долженъ не только платонически вздыхать о несчастныхъ, но и дѣйствовать согласно чувству состраданія, спасая ихъ жизнь и продолжая ихъ мученія? Сознавая неизбѣжность этого вопроса, Шопенгауэръ отбросилъ идею „безусловнаго долга“ и ограничился признаніемъ факта состраданія, какъ коренного безотчетнаго импульса нравственныхъ поступковъ. Но о нравственномъ значеніи чувства жалости знали и раньше его. Поэтому Шопенгауэръ только запуталъ вопросъ, поставленный Кантомъ, и его мораль слѣлалась новымъ подножіемъ для эвдемонизма и утилитаризма. Если я отдаюсь состраданію только какъ природному импульсу, то почему мнѣ не отдаваться и жаждѣ наслажденія, столь же природной? То и другое одинаково нелѣпо, ибо жизнь есть зло, но и то и другое естественно, а слѣдовательно неизбѣжно. Утилитарный эвдемонизмъ ставитъ вопросъ проще: надо брать отъ жизни все, что она

*) По какому внутреннему побужденію, напр., «человѣкъ долженъ относиться къ другому человѣческому существу, какъ къ цѣли самой въ себѣ, а не какъ къ средству для своихъ личныхъ цѣлей?» Изъ формальной идеи «безусловнаго долга» такого *содержанія* не выведешь.

можетъ дать. „Ты стремишься къ своему счастью и пользѣ?“ — Стремлюсь. — „Ну такъ и стремись, но дѣйствуй поумнѣе и поразсчетливѣе. Не забывай, что надо дѣлать уступки счастью другихъ, иначе и они тебѣ уступокъ дѣлать не будутъ“. „Да еще, — прибавляетъ Спенсеръ, — помни, что альтруизмъ (стремленіе къ чужой пользѣ) есть продуктъ наслѣдственного развитія основного родового инстинкта и что этому прибрѣтенному свойству своей природы ты долженъ тоже дѣлать уступки ради полноты собственнаго самочувствія и самоудовлетворенія“.

И пошли новые компромиссы, а надъ Кантовскимъ „категорическимъ императивомъ нравственнаго долга“ стали смѣяться.

Но новѣйшіе компромиссы утилитаризма и Спенсера никого не удовлетворили, ибо есть случаи, когда альтруизма въ душѣ нѣтъ никакого, а дѣлать уступки чужому счастью ради своего собственнаго нѣтъ никакой надобности, ибо можно защитить его силой. На эту точку зрѣнія сталъ Ницше и предложилъ сильному отбирать всѣ крохи счастья у слабыхъ, чтобы достигнуть самому сверхъ-человѣческой полноты самоуслажденія и совершенной свободы отъ нравственныхъ оковъ. Въ сущности, Ницше былъ послѣдователенъ, ибо если цѣль жизни все-таки личное счастье, то ради этой цѣли сильному *все позволено*, а слабыхъ можно заставить послужить себѣ.

Очевидно, основная дилемма этики: „нравственный долгъ или счастье?“—остается и теперь неразрѣшенной. Въ самое послѣднее время все болѣе крѣпнеть сознаніе, что жить по рецептамъ утилитаристовъ и эвдемонистовъ, а тѣмъ болѣе такихъ проповѣдниковъ хищничества, какъ Ницше, нельзя. И реакція обнаруживается въ формѣ возвращенія къ проповѣди христіанской морали, оторванной однако отъ ея первоначальной религіозно-мистической основы. „Ты въ правѣ стремиться къ своему счастью, но твое истинное счастье есть исполненіе нравственнаго долга—любви къ ближнему, служенія духу, а не плоти, непротивленія злу зломъ“, го-

ворить Левъ Толстой. Но вопросъ, почему я долженъ именно эти поступки признать своимъ *истиннымъ* счастьемъ, остается неразрѣшеннымъ *).

Вѣдь если я отъ природы имѣю вообще право стремиться къ своему счастью, то нечего моралистамъ твердить мнѣ о долгѣ любви, состраданія и самоотреченія, идущемъ въ разрѣзъ съ моими личными соображеніями о счастіи. А если я долженъ дѣлать хотя бы *что-нибудь* во имя идеи нравственнаго долга, пренебрегая цѣлью личнаго счастія, какъ я его понимаю, то гдѣ основанія и въ чемъ смыслъ такого долга? Спасеніе души для вѣчнаго блаженства? А если бы я въ него не вѣрилъ? Жажда славы, уваженія, почитанія ближнихъ? А если я ими пренебрегаю и они мнѣ не нужны? Боязнь страданій и смерти и расчетъ продлить наслажденіе? А если я буду разсуждать согласно поговоркѣ: „двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать“ и буду стремиться поскорѣе, пока есть силы, взять отъ жизни все, что она можетъ дать мнѣ въ смыслѣ наслажденія и радости? Неужели меня остановятъ въ такомъ случаѣ скучные предписанія долга?

Очевидно, надо откровенно сознаться, что дилемма: нравственный долгъ или личное счастье — остается все въ прежнемъ видѣ. Изъ нея выхода нѣтъ. Третьяго рѣшенія вопроса ни *логически*, ни *психологически* быть не можетъ: логически—потому, что между утвержденіемъ и отрицаніемъ безусловнаго нравственнаго долга, какъ и законности цѣли личнаго счастія, не можетъ быть ничего средняго; психологически же—потому, что человѣкъ въ одной и той же дѣятельности своей не можетъ стремиться къ двумъ противоположнымъ и взаимно исключаяющимъ другъ друга цѣлямъ.

На эту, повидимому, совершенно ясную и простую, постановку вопроса дѣлается, однако, очень часто слѣдующее казуистическое возраженіе. Допустимъ, что цѣль *нравственной*

*) Подробную критику ученій Ницше и Толстого см. въ нашей брошюрѣ, „Нравственные идеалы нашего времени. Фр. Ницше и Левъ Толстой“. Изданіе третье. Москва. 1894.

жизни и дѣятельности, въ отличіе отъ *безразличной* и въ противоположность *безнравственной*, вытекающихъ также изъ мотивовъ личнаго счастья, есть *исполненіе нравственного долга*. Въ чемъ же онъ можетъ состоять? Очевидно, только въ томъ, чтобы служить благу и счастью другихъ людей и существъ, — „возможно большому счастью возможно большаго числа другихъ существъ“, какъ утверждалъ и Дж. Ст. Милль въ своемъ наиболѣе обдуманномъ и возвышенномъ утилитарномъ ученіи. Вѣдь совершенно ясно, что такъ какъ несчастныхъ безконечное множество, то для того, чтобы исполнить свой нравственный долгъ, человѣкъ не обязанъ разорвать себя самого на части и дать имъ всѣмъ по капелькѣ крови и жизни, и по кусочку своей одежды и имущества, а долженъ по мѣрѣ силъ преслѣдовать только *относительную цѣль* возможно большаго счастья возможно большаго числа существъ, хотя бы только *людей*, а такъ какъ онъ самъ — тоже человѣкъ и живое существо, то по тому же принципу онъ въ правѣ не только находить свое счастье въ служеніи счастью другихъ, но оставить и на свою долю частицу счастья и всѣхъ благъ, его доставляющихъ; вѣдь и онъ законный участникъ въ общемъ раздѣлѣ благъ и счастья. А чтобы онъ не бралъ себѣ львиной доли, — для этого, говорятъ намъ, надо воспитывать его такъ, чтобы онъ находилъ высшее личное счастье въ доставленіи счастья другимъ. Слѣдовательно, разумное личное счастье не противорѣчитъ идеѣ нравственнаго долга — служить счастью другихъ.

Разсужденіе, повидимому, безукоризненное, но для философа невольно возникаютъ слѣдующіе вопросы:

1. *Откуда* выведена необходимость и нравственная обязательность служенія цѣли счастья наибольшаго числа существъ?

2. *Чѣмъ* оправдать, съ указанной точки зрѣнія, необходимость полнаго самопожертвованія, хотя бы жизнью, при серьезномъ столкновеніи цѣли моего счастья съ цѣлью счастья другихъ существъ?

3. *Какъ быть* съ тѣми людьми, которые, вслѣдствіе воспи-

танія или даже вопреки ему, упорно не желаютъ видѣть своего счастья въ служеніи счастью другихъ: судить ихъ или не судить, считать *виновными* или *не виновными*?

Первый вопросъ о причинѣ обязательности служенія чужому счастью приводитъ снова къ дилеммѣ: или эта цѣль возникаетъ изъ идеи безусловнаго долга, для которой надо еще найти основаніе, или изъ соображенія собственныхъ выгодъ, которыя уронили бы все объективное значеніе идеала чужого счастья.

Второй вопросъ возвращаетъ къ вѣчнымъ Гамлетовскимъ недоумѣніямъ нравственнаго сознания: „*мнѣ-то самому* быть или не быть, и если быть, то какъ быть?“

Третій—естественно разрѣшается въ пользу доктрины *всеобщей несвободы и невмѣняемости*, которая ведетъ къ признанію и моей собственной невмѣняемости, т.-е. чистой *условности* понятія долга, который по идеѣ своей *безусловенъ*.

Гордіевъ узелъ морали изложенной теоріей, очевидно, также не распутанъ, и безконечная Сизифова работа эвдемонистическаго утилитаризма должна начаться сызнова *).

Но Гордіевы узлы и нельзя распутывать: ихъ поневолѣ приходится разрубать. Рѣшить указанные затрудненія можно только однимъ способомъ, — спросивъ себя искренно: „да правда ли, что всѣ поступки, называемые нравственными, имѣютъ цѣлью доставить *счастье* кому-либо изъ людей, или даже возможно большому числу людей, и приблизить міръ ко всеобщему благоденствію?“ Это значитъ, другими словами: „вѣрно ли, что нравственный долгъ въ наиболѣе *безусловной* формѣ повелѣваетъ вполнѣ отречься отъ своего личнаго счастья въ пользу счастья другихъ существъ, а въ болѣе *условной*—служить счастью другихъ существъ, жертвуя для этого нѣкоторою долей своего счастья?“

Вопросъ этотъ составляетъ, по нашему мнѣнію, главный

*) Мы сами три года тому назадъ пытались найти новое основаніе *эвдемонистической* морали въ статьяхъ «Основаніе нравственнаго долга» (Вопр. фил. и псих., кн. XII и XV. 1892), но не окончили своего изслѣдованія, такъ какъ замѣтили ошибку въ исходныхъ посылкахъ эвдемонизма.